

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

К. Б. Кепинг

ТАНГУТСКИЙ
ЯЗЫК

МОРФОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

к 33

Ответственный редактор

С.Е.ЯХОНТОВ

Книга представляет собой детальное описание морфологии мертвого тангутского языка, одного из древнейших представителей тибето-бирманских языков. Материалом для исследования послужили уникальные тексты – переводы на тангутский язык китайских светских сочинений, ранее не использованные при реконструкции грамматики тангутского языка.

К 4602010000-091
013(02)-85 151-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1985.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Реконструкция мертвого тангутского языка, как, по-видимому, и любого другого языка с иероглифической письменностью, включает дешифровку письменности, реконструкцию фонетической системы языка, описание его грамматического строя, а также определение значения отдельных иероглифов.

В монографических исследованиях, опубликованных до настоящего времени, авторы, как правило, решали все эти задачи одновременно [Нисида I–II, 1964–1966; Софронов 1–2, 1968]. В данной работе мы поставили только одну задачу – описать морфологический строй тангутского языка; остальные вопросы реконструкции языка нами не затрагивались. Тот факт, что структура тангутской письменности до сих пор еще полностью не раскрыта, не повлиял на нашу работу, так как это совершенно особая проблема, не связанная с грамматикой. Что же касается фонетической реконструкции, то в работе мы принимаем реконструкцию М.Ф.Софронова [Софронов 2, 1968, с.274–403], но используем другую (русскую) транскрипцию, предложенную С.Е.Яхонтовым, которая является транслитерацией транскрипции М.В.Софронова, правда, с некоторыми упрощениями, а именно: 1) "и" передает i , $\dot{i}$, $\ddot{i}$; 2) "в" передает w и v ; 3) "х" передает x и h (знак придыхания в сочетаниях th , ph и т.п.); 4) "ю" передает сочетания $\dot{i}w$ и $\ddot{i}w$; 5) "ы" передает $\ddot{i}$.

Следует отметить, что в русской транскрипции приводятся также и цитируемые нами примеры.

Настоящая работа представляет попытку детального описания морфологии тангутского языка в том виде, в каком

она может быть извлечена из тангутских текстов. Для этой цели нами была предпринята сплошная роспись единых по характеру тангутских текстов, которые ранее не использовались для грамматического исследования. Материалом для анализа послужили переводы на тангутский язык китайских светских (т.е. не буддийских) сочинений, общим объемом более ста тысяч иероглифов. Для каждой морфемы учитывались все случаи ее встречаемости в исследуемых текстах.

К области морфологии мы относим, во-первых, выделение и описание классов знаменательных слов. Во-вторых, мы включаем в морфологию характеристику служебных морфем тангутского языка, относящихся не к конструкции или к предложению, а к отдельному знаменательному слову. При этом для каждой морфемы приводятся доказательства ее служебного характера и описание ее значения. Следует отметить, что в некоторых случаях мы были вынуждены выходить за пределы морфологии. Например, определение сочетания   *нажэй'виe*¹ как послелога – показателя эргатива и квалификация послеглагольных служебных слов *нга*², *на*² и *ни*² как показателей согласования глагола с субъектом или объектом действия поставили перед нами вопрос о характере строя исследуемого языка, что нашло отражение в главе "Характеристика строя тангутского языка".

Тангутские примеры (их в работе 1001) приводятся в сквозной нумерации.

Автор выражает глубокую благодарность своему учителю С.Е.Яхонтову, без постоянных консультаций и многолетней воодушевляющей поддержки которого эта книга не была бы написана.

Автор искренне признателен хранителям рукописного отдела ЛО ИВАН СССР М.П.Волковой и Н.В.Елисейевой, благодаря доброжелательной помощи которых у автора всегда был доступ к необходимым для работы тангутским текстам.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

Тангутское государство (или государство Си-Ся) существовало с X по XIII в. на территории современных китайских провинций Шэньси и Ганьсу. В 1227 г. это государство погибло в результате монгольского нашествия.

Величайшим достижением культуры тангутского государства было изобретение собственной иероглифической письменности, созданной тангутом Ели (Ири) Жэнь-юном и введенной в употребление в 1036 г. По мнению исследователей, эта письменность стала выдающимся явлением в истории письменности [Софронов 1, 1968, с.43], представляя собой, возможно, самую сложную систему, когда-либо изобретенную человеческим разумом [Лауфер, 1916, с.13].

После уничтожения государства Си-Ся постепенно исчез тангутский народ с его языком и культурой. По мнению Е.И.Кычанова, "тангутская письменность вышла из широкого употребления после гибели династии Юань и была совершенно забыта на рубеже XVI–XVII вв." [Кычанов, 1968, с.330].

Через несколько столетий, в 70-е годы XIX в., с обнаружения шестиязычной надписи на воротах в Цзюйюань близ Пекина, датируемой 1345 г., началось изучение забытого языка тангутов.

История изучения тангутского языка неоднократно и достаточно подробно освещалась в литературе [Невский I, 1960, с.19–32; Софронов 1, 1968, с.12–35; Квантен и Хессе, 1980, с.1–24], поэтому мы остановимся только на ее основных моментах, преимущественно акцентируя внимание на изучении грамматики тангутского языка.

Можно выделить три этапа в истории исследования тангутской письменности и тангутского языка.

Первый этап (начальный) – с момента обнаружения в 1870 г. надписи на воротах в Цзюйюань до открытия П.К.Козловым субургана в мертвом городе Хара-Хото.

Второй этап – открытие в 1909 г. экспедицией П.К.Козлова огромной библиотеки тангутских текстов. Этот этап в истории тангутоведения ознаменовался работами выдающегося советского ученого Н.А.Невского.

Третий этап начался в 50-е годы XX в. и продолжается по сей день. Это время интенсивного изучения в различных странах истории, языка и культуры государства Си-Ся.

Первый этап в истории изучения тангутского языка характеризуется установлением факта, что тангуты пользовались идеографическим письмом, а также первыми изысканиями в области лексикографии и грамматики тангутского языка. Этому периоду свойственна скудость исследовательского материала. Родоначальником изучения грамматики тангутского языка следует считать французского ученого М.Мориса, который, работая с текстом одной цзюани тангутского перевода "Лotosовой сутры", установил значение около 150 тангутских иероглифов, в том числе 15 служебных морфем, а также определил порядок слов в тангутском языке [Морис, 1904, с.313–362]. Помимо М.Мориса с этим периодом изучения тангутского языка связаны имена таких ученых, как А.Уайли, Э.Шаванн, Г.Девериа, С.Бушель.

В 1908–1909 гг. экспедиция П.К.Козлова открыла тангутскую библиотеку, замурованную в субургане мертвого города Хара-Хото. Библиотека была перевезена в Петербург в Азиатский музей (ныне Институт востоковедения АН СССР), где она хранится и поныне. Она насчитывает около 10 тысяч единиц хранения и уникальна по своему составу: здесь помимо текстов буддийского содержания имеются тексты светского характера, как оригинальные, так и переведенные с других языков (в основном с китайского), большое количество различных словарей – двуязыч-

ных и тангутских толковых. Текстов светского содержания, а также словарей нет ни в одной другой коллекции мира.

После экспедиции П.К.Козлова в район Хара-Хото были направлены другие экспедиции, результатом которых явились тангутские коллекции в Лондоне в Британском музее (коллекция А.Стейна), в Пекине в Национальной библиотеке и в Японии в Библиотеке Тэнри.

Появление огромного исследовательского материала изменило ситуацию в тангутоведении. Уже в 1909 г. А.И.Иванов опубликовал описание китайско-тангутского словаря "Жемчужина на ладони" со словником из 324 слов в китайской транскрипции и обзором грамматических правил тангутского языка [Иванов, 1909].

Основываясь на данных статьи А.И.Иванова, американский ученый Б.Лауфер пытался определить место тангутского среди других языков и пришел к выводу, что тангутский язык входит в лоло-бирманскую ветвь и близок к языкам лоло и мосо [Лауфер, 1916].

С 1925 г. исследованиями в области тангутского языка занимается Н.А.Невский. Основным результатом его труда является посмертно изданный двухтомник "Тангутская филология", большая часть которого – это словарь тангутских иероглифов [Невский I–II, 1960]. Словарь Н.А.Невского составлен на основе всех тангутских словарей, имеющих в коллекции Института востоковедения, а также росписи многих тангутских текстов буддийского и светского характера. Словарь не был завершен автором. Эта публикация представляет собой факсимильное издание рабочих тетрадей Н.А.Невского. Каждая словарная статья, по-видимому, должна была содержать китайскую транскрипцию иероглифа, чтение по фаньце, указание на рифму, тон, сопутствующий иероглиф по словарю "Гомофоны" и место в "Гомофонах", значение, перевод на китайский и тибетский языки, а также примеры из различных текстов. Следует отметить, что и по сей день словарь Н.А.Невского не утратил своего значения, оставаясь собранием ценнейших сведений по лексике и грамматике тангутского языка.

Собственно грамматическим проблемам посвящены две статьи Н.А.Невского – "Краткое исследование служебных частиц в тангутском языке" [Невский I, 1960, с.140–152] и "Лексико-грамматические материалы" [Невский I, 1960, с.153–162]. В первой статье рассматриваются служебные морфемы: $\text{𐰚} ta^1$, $\text{𐰚} 'ин^1$, $\text{𐰚} неу^2$, $\text{𐰚} цим^1$, $\text{𐰚} риэ^2$, $\text{𐰚} ку^1$, $\text{𐰚} ни^2$, $\text{𐰚} на^2$, $\text{𐰚} мо^2$ и $\text{𐰚} нди^2$. Перечисленные морфемы верно определены Н.А.Невским, за исключением $\text{𐰚} ни^2$ и $\text{𐰚} на^2$ (Н.А.Невский правильно отметил только близость их значений друг к другу) и $\text{𐰚} нди^2$, которая квалифицируется им как служебная морфема без уточнения ее значения. В статье "Лексико-грамматические материалы" Н.А.Невский рассматривает несколько тангутских слов с их соответствиями из других китайско-тибетских языков, а также приводит список прилагательных, местоимений, числительных и некоторых служебных морфем тангутского языка.

В 1962 г. Н.А.Невскому за выдающиеся достижения в области дешифровки и исследования тангутского языка посмертно была присуждена Ленинская премия.

Одновременно с Н.А.Невским изучением тангутского языка занимались в Китае Ван Цзинжу и братья Ло (Ло Фучэн и Ло Фучан), а в Европе – Э. фон Цах, А.Бернхарди, Ж.Клосон и С.Вольфенден.

Третий (современный) этап изучения тангутского языка начинается в 50-е годы, когда в Японии Тацуо Нисида под руководством проф. Дзюнтаро Исихама стал заниматься тангутским языком. В 1964–1966 гг. Т.Нисида публикует два тома "Исследований по тангутскому языку" [Нисида I–II, 1964–1966]. Первый том этого исследования полностью посвящен фонетической реконструкции тангутского языка. В качестве приложения к нему автор приводит текст и расшифровку надписи на башне Ганьин в Лянчжоу (провинция Ганьсу), датированной 1094 г., а также текст словаря "Жемчужина на ладони". Второй том "Исследований по тангутскому языку" на три четверти состоит из словаря тангутских иероглифов; для каждого иероглифа указывается его чтение в реконструкции автора, значение, а также приво-

дится графический анализ. Оставшаяся четверть работы (около 80 страниц) приходится на два раздела, один из которых посвящен тангутской письменности, другой – грамматике. Завершает том большое резюме (около 100 страниц) на английском языке, подробно излагающее содержание обоих томов.

Хотя раздел, посвященный грамматике тангутского языка, весьма невелик по объему (всего 25 страниц), он представляет большой интерес как первое систематическое описание грамматики тангутского языка. Впервые в тангутоведении части речи выделяются по формальному признаку – по местоположению слова в какой-либо последовательности слов. Т.Нисида выделяет три "формальных" класса знаменательных слов: существительные, прилагательные и переходные глаголы. Класс существительных имеет два подкласса: местоимения и числительные. Описывая подкласс местоимений, Т.Нисида утверждает, что в тангутском языке отсутствуют специальные формы вежливого обращения. По нашему мнению, Т.Нисида ошибочно включает в разряд неопределенных местоимений морфему $\text{𐰚} нгш^2$, которую мы вслед за М.В.Софроновым считаем неопределенным членом. Следует отметить, что Т.Нисида вплотную подошел к трактовке служебной морфемы $\text{𐰚} нга^2$ как показателя согласования (1-е лицо), однако, как он пишет, соответствующих показателей для 2-го и 3-го лица он не смог найти. Т.Нисида считает, что классификаторов в тангутском языке нет.

Рассматривая класс глаголов, первоначально определенный им как класс переходных глаголов, Т.Нисида выделяет две конструкции, состоящие из двух слов и различающиеся только функцией первого слова: 1) объект + действие; 2) субъект + действие. Таким образом в зависимости от употребления в этих конструкциях выделяются переходные и непереходные глаголы. Служебные морфемы, относящиеся к глаголу, исследователь делит на две группы, исходя из их позиции по отношению к глаголу, – на префиксы и суффиксы. В тангутском языке выделяются шесть глагольных префиксов, из которых четыре ($\text{𐰚} a^1$, $\text{𐰚} виэ^2$, $\text{𐰚} киш^1$ и

散 *tsa*²) определяются как видовые. Префикс 散 *riə*² ошибочно квалифицируется Т.Нисидой как указывающий на объект и соответствующий китайскому слову 所 *so* 'место'. Префикс 散 *na*¹, как справедливо отметил Т.Нисида, указывает на направленность действия вниз. Среди глагольных суффиксов он выделяет три группы, исходя из их позиции после глагола: 1) суффиксы, стоящие непосредственно после глагола, 2) суффиксы, занимающие позицию после суффиксов первой группы, 3) суффиксы, помещающиеся после суффиксов второй группы. К первой группе суффиксов относится показатель каузатива 散 *ka*¹ и показатель продолженного вида 散 *ndimn*². Сюда же ошибочно причисляется как показатель завершенности действия 散 *ndaxa*¹. Мы рассматриваем его как знаменательный глагол 'завершать', 'заканчивать'. Ко второй группе глагольных суффиксов Т.Нисида относит морфемы 散 *noi*², 散 *ku*¹, 散 *kaŋi*² и 散 *ldei*². Однако 散 *noi*² и 散 *kaŋi*² – это не служебные морфемы, а модальные глаголы, означающие соответственно 'мочь', 'быть в состоянии' и ' хотеть', 'желать' (эти морфемы могут быть оформлены, например, отрицанием). Морфема 散 *ku*¹ – условный союз, а не суффикс условности, так как глагол, стоящий перед 散 *ku*¹, оформляется показателем согласования, после которого могут помещаться только частицы, относящиеся ко всему предложению в целом. Морфеме 散 *ldei*² Т.Нисида правильно приписывает значение должностования, однако, по нашему мнению, 散 *ldei*² – служебное слово, а не суффикс. К третьей группе глагольных суффиксов Т.Нисида относит 散 *liə*¹, 散 *na*², 散 *ni*², 散 *mo*². Морфема 散 *liə*¹ определяется им как выражающая подчеркнутое утверждение, однако 散 *liə*¹ не суффикс, а частица, относящаяся ко всему предложению в целом. Морфема 散 *na*², по мнению Т.Нисиды, выражает оптатив, морфема 散 *ni*² – подчеркнутое восклицание, морфема 散 *mo*² – восклицание.

В особую группу Т.Нисида включает "частицы внутри предложения" – служебные слова, выражающие отношения между словами в предложении (мы называем их послелогоами): 散 *ta*¹, 散 *'imn*¹, 散 *ngu*², 散 *'a*², 散 *'imn*¹, 散 *riə*²,

散 *ka*¹, 散 *'y*². Здесь, как нам кажется, не на месте только морфема 散 *'imn*¹, по определению Т.Нисиды, являющаяся показателем винительного падежа (в исследованных нами текстах морфема 散 *'imn*¹ чаще всего выражает желательность).

Несмотря на краткость, первое систематическое изложение грамматики тангутского языка следует признать весьма успешным. На наш взгляд, самое привлекательное в этой работе – это формализованный подход к фактам тангутской грамматики.

В конце 50-х годов исследования по тангутскому языку возобновились в СССР. Первым среди советских исследователей следует назвать Е.И.Кычанова, основные научные интересы которого лежат в области истории тангутского государства. Однако ему принадлежит ряд статей по структуре тангутской письменности [Кычанов, 1964; Кычанов, 1980], а также работы по реконструкции фонетики тангутского языка [Кычанов, Софронов, 1964]. Собственно грамматическим вопросам посвящена только одна небольшая статья Е.И.Кычанова, в которой рассматриваются значения двух служебных морфем, а именно 散 *riə*¹ и 散 *riə*² [Кычанов, 1967]. Морфеме 散 *riə*¹ Е.И.Кычанов называет глагольным суффиксом, характеризующим действие как прерывистое, многократно повторяющееся. Отметим, что в исследованных нами текстах морфема 散 *riə*¹ является не глагольным суффиксом, а послелогом со значением 'на расстоянии'. Другая служебная морфема – 散 *riə*² – правильно определяется Е.И.Кычановым как глагольный префикс, однако ошибочно истолковывается как показатель направленности действия, причем действие, обозначенное этим префиксом, может быть направлено к объекту действия и от него. Здесь явное противоречие: если направленность действия может быть одновременно как в ту, так и в другую сторону, то следует признать, что данный префикс вообще не связан с указанием на направленность действия.

В 1968 г. М.В.Софронов опубликовал два тома "Грамматики тангутского языка" [Софронов 1–2, 1968]. Так же как

у Т.Нисиды, целый том (второй) его исследований полностью посвящен фонетической реконструкции тангутского языка. В этом томе М.В.Софронов приводит список реконструкций для 5189 иероглифов, встречающихся в словаре "Гомофоны". Результаты фонетической реконструкции тангутского языка, полученные М.В.Софроновым, отличаются от результатов реконструкции Т.Нисиды; по-видимому, в этой области еще предстоит работа. В первом томе "Грамматики тангутского языка" М.В.Софронова рассматриваются все разделы грамматики – письменность, фонология, морфология, синтаксис, а также подробно излагается история исследования тангутского языка и письменности. Собственно грамматика (морфология и синтаксис) занимает менее половины первого тома (125 страниц из 270). Как видим, и у Т.Нисиды, и у М.В.Софронова описание грамматики тангутского языка занимает небольшую часть в их исследованиях.

"Грамматика тангутского языка" М.В.Софронова, несомненно, представляет собой шаг вперед по сравнению с грамматическим описанием, выполненным Т.Нисидой. Немаловажен и тот факт, что М.В.Софронов использовал большее количество тангутских текстов, чем его предшественник, причем текстов не только буддийского содержания. И если Т.Нисида лишь систематизирует служебные морфемы тангутского языка, то М.В.Софронов выделяет образуемые ими грамматические категории. Однако одним из основных недостатков, присущих работе М.В.Софронова в целом, по нашему мнению, является отсутствие необходимого количества тангутских примеров. [В некоторых случаях примеров нет вообще: см. разделы "Категория числа" (т.1, с.160–161), "Глаголы действия и модальные глаголы" (т.1, с.187–188) и т.д.]

М.В.Софронов делит все морфемы тангутского языка на знаменательные и служебные, среди последних он выделяет суффиксы и префиксы. И те и другие характеризуются "либо сильной, либо наименее слабой связью" со знаменательной морфемой [Софронов 1, 1968, с.148]. В разделе "Словообразование" подробно рассматривается сложение знаме-

нательных морфем друг с другом и со служебными морфемами. М.В.Софронов указывает несколько суффиксов, образующих отглагольные имена, – 奴 *тией*², 奴 *лдеи*², 奴 *си*² и 奴 *теу*². Части речи, по определению М.В.Софронова "грамматические классы", выделяются им на основании дистрибутивных признаков, проявляющихся в окружении морфем и слов. Таким образом выделяются грамматические классы существительных, глаголов, прилагательных, наречий, числительных и морфем-заместителей. Глаголы, прилагательные и числительные образуют категорию предикатива.

Форма множественного числа, по мнению М.В.Софронова, образуется с помощью морфемы 奴 *ни*² только от существительных, обозначающих лиц [Софронов, 1974, с.125], причем морфеме 奴 *ни*² он считает единственной служебной морфемой, выражающей множественное число. В отличие от Т.Нисиды, определяющего морфему 奴 *ни*² как неопределенное местоимение, М.В.Софронов предлагает толкование 奴 *ни*² как неопределенного члена, соответствующего неопределенному артиклю европейских языков. Впервые М.В.Софронов описывает систему классификаторов, состоящую из пяти счетных слов. Далее М.В.Софронов рассматривает небольшую группу существительных с пространственным значением, куда он относит существительные, обозначающие страны света и географические названия.

Служебные слова, выражающие отношения между двумя существительными и между существительным и глаголом, М.В.Софронов делит на падежные суффиксы и послелогои. Первые характеризуются абстрактным значением (奴 *ин*¹, 奴 *ндо*², 奴 *а*², 奴 *нгу*², 奴 *ри*², 奴 *мбу*¹, 奴 *иш*¹), вторые – конкретным значением, обозначая пространственные отношения (奴 *каа*¹, 奴 *у*², 奴 *чхиа*¹, 奴 *ххиу*¹, 奴 *иу*² *ри*², 奴 *жи*¹, 奴 *нди*² и 奴 *ри*²). К сожалению, М.В.Софронов не приводит русского перевода перечисленных выше служебных морфем. Следует отметить, что список служебных морфем у М.В.Софронова полнее, чем аналогичный список у Т.Нисиды, который называет эти служебные морфемы "частичами внутри предложения". Отметим, однако, что морфемы

如² ндо² и 能² 'а², относимые М.В.Софроновым к падежным суффиксам, могут выражать пространственные отношения и, следовательно, по классификации М.В.Софронова, их следует отнести к послелогам, а не к падежным суффиксам.

Рассматривая грамматический класс глаголов, М.В.Софронов говорит о наличии категорий времени, вида, залога и наклонения. Среди глагольных категорий, описываемых М.В.Софроновым, нет категории лица. Говоря о морфеме 能² нга² (показателе глагольного согласования, омониме местоимения 1-го лица единственного числа), М.В.Софронов называет ее эмфатической частицей, тогда как Т.Нисида определял ее как местоименный суффикс. М.В.Софронов выделяет следующие глагольные времена: настоящее (суффикс 如² ндин²), прошедшее (префиксы 能² виэ², 能² тха², 能² риэ²), давнопрошедшее (служебные морфемы 能² ндин² и 能² нджа¹) и будущее (суффикс 能² 'ин¹). Он находит три глагольных вида в тангутском языке: совершенный (префикс 能² ким¹), совершенный начинательный (префикс 能² а¹) и совершенный однократный (префикс 能² на¹). По мнению М.В.Софронова, в языке имеется три залога – действительный (нулевая морфема), побудительный (суффикс 能² тхи¹) и взаимный (префикс 能² нджим¹). Большой заслугой М.Ф.Софронова является описание системы наклонений тангутского глагола, содержащей, с его точки зрения, восемь наклонений: изъявительное, желательное, гипотетическое, уступительное, долженствования, наклонение возможности, апеллятивное и допустительное. М.В.Софронов определил также пять ранее неизвестных морфем (能² 'ин¹, 能² ндин², 能² ким¹, 能² виэ² и 能² риэ²), являющихся показателями желательного наклонения, однако из-за недостатка материала он не смог определить различия между ними.

Рассматривая прилагательное, М.В.Софронов указывает, что ему свойственны те же категории, что и глаголу. М.В.Софронов первый подробно описал класс наречий в тангутском языке, выделив качественные, количественные и обстоятельственные наречия. В разделе "Местоимения" М.В.Софронов отмечает, что для каждого лица имеется не

менее чем по две морфемы. Синтаксический раздел монографии М.В.Софронова содержит первое описание синтаксиса тангутского языка; здесь рассматриваются простое предложение, вопрос и утверждение, а также сложное предложение.

Оценивая исследование грамматики тангутского языка, проведенное М.В.Софроновым, следует сказать, что, несмотря на некоторую неполноту и отсутствие должного количества примеров, его работа представляет собой значительное явление в истории тангутоведения как первая развернутая грамматика тангутского языка, в которой представлены практически все грамматические разделы.

В Советском Союзе тангутская коллекция ЛО ИВАН СССР с точки зрения палеографии исследуется А.П.Терентьевым-Катанским [Терентьев-Катанский, 1981].

В 1979 г. опубликована наша монография "Сунь цзы в тангутском переводе" [Сунь цзы], в которой имеется грамматический очерк тангутского языка, написанный по тексту трактата Сунь цзы.

Исследованиями в области тангутской филологии вне СССР занимается Э.Гринстед, написавший монографию "Анализ тангутской письменности" [Гринстед, 1972] (в настоящее время работает в Дании, ранее – в Британском музее в Лондоне).

В Японии кроме Т.Нисиды проблемами фонетической реконструкции тангутского языка занимаются Мантаро Хасимото, а также Сэйро Окадзаки.

В последние годы в США опубликован ряд статей Л.Квантена по истории тангутского государства. В соавторстве с С.Хессе Л.Квантен составил библиографию работ по тангутоведению, насчитывающую 379 названий [Квантен и Хессе, 1980], в предисловии к которой сообщается, что ее авторы приступили к изучению грамматики тангутского языка.

ТЕКСТЫ

Поскольку коллекции тангутских материалов состоят преимущественно из переведенных с китайского языка буд-

дийских канонических сочинений, то вполне понятно, что существующие грамматики тангутского языка (имеются в виду монографии Т.Нисиды и М.В.Софронова) основываются именно на этих текстах. Наличие параллельного китайского текста, как правило, хорошо изученного, исключает возможность неверного перевода соответствующего тангутского текста и служит гарантией его адекватного истолкования.

Следует, однако, отметить одну особенность переводов произведений канонической литературы. Известно, что как на Востоке, так и на Западе, эти произведения обычно переводились на другие языки буквально [Рифтин, 1964, с.65]. Тангутский перевод буддийских сочинений не составляет исключения. Буквально переводились на тангутский язык и конфуцианские классические книги – "Лунь юй", "Мэн цзы", "Сяо цзин" (эти сочинения были использованы М.В.Софроновым при написании его грамматики). Как пишут В.С.Колоколов и Е.И.Кычанов, перевод китайских классических книг "осуществлялся исключительно точно, до буквализма, и тангутский текст очень часто отличается от современного китайского текста только порядком слов и рядом дополнительных грамматических знаков в соответствии с нормами тангутской грамматики" [Классика, 1966, с.11].

Естественным следствием буквального перевода явилась сильная китаизация тангутского языка в переводах канонической литературы, заставившая Т.Нисиду, впервые отметившего эту китаизацию, поставить вопрос о правомерности использования буддийской литературы в качестве материала для реконструкции грамматического строя тангутского языка. Т.Нисида считает, что хотя, с одной стороны, в переводах буддийских сочинений сохраняются нормы собственно тангутского языка, с другой стороны, чрезвычайно заметно влияние китайского, и эти два фактора надо иметь в виду при написании грамматики тангутского языка по буддийским материалам. Так, в качестве одного из примеров китаизации тангутского языка Т.Нисида приводит

сочетание 有人 ю жэнь 'некто', буквально означающее 'имеется человек', которое передается на тангутский язык сочетанием 攸 龍 ндэю² ндиу¹ 'человек имеется', между тем как в текстах, не представляющих собой буквальный перевод с китайского, используется сочетание слова 'человек' с неопределенным членом 𠵿 неим² – 攸 𠵿 ндэю² неим² 'некто', 'некий человек'. Употребление слова 龍 ндиу¹ 'иметься' в этом случае не соответствует нормам тангутской грамматики и служит примером того, как под влиянием китайского языка был использован тангутский эквивалент китайского иероглифа [Нисида II, 1966, с.562–565].

В нашей работе впервые в тангутоведении в качестве материала использованы переводы китайских неканонических (не буддийских и не конфуцианских) сочинений. В отличие от переводов канонических сочинений произведения неканонические, светские, обычно переводились весьма вольно, а то и перелагались без соблюдения текстуальной точности и особенностей оригинала [Рифтин, 1974, с.65]. Первый переведенный нами тангутский текст китайского светского произведения – трактат Сунь цзы о военном искусстве [Сунь цзы] – может подтвердить это. Описывая это сочинение, мы отмечали следующее: "В отличие от переводчиков китайских классиков переводчик военного трактата Сунь цзы обращался с текстом более свободно, стремясь сделать содержание трактата как можно более понятным и доступным читателю-тангуту" [Кепинг, 1971, с.46]. Позже работа с другими переводами светских сочинений доказала правильность этого мнения.

Свободное обращение с текстом источника позволяет надеяться, что язык тангутских переводов китайской светской литературы в большей степени, чем язык канонических произведений, соответствует нормам собственно тангутского языка. По нашему мнению, при описании тангутского языка по произведениям канонической литературы, переведенным с китайского, чаще всего поддается определению то общее, что есть в грамматическом плане между двумя языками, различия же, по-видимому, сглаживаются.

Проиллюстрируем это утверждение следующим примером.

До настоящего времени считалось, что в тангутском языке существует только одна морфема, выражающая значение множественности. Так, М.В.Софронов пишет: "Для уравновешения системы множественного числа в тангутском языке имеется служебная морфема 𐰇𐰏 $ни^2$, которая употребляется для обозначения множественного числа существительных, обозначающих лиц, и при местоимениях" [Софронов 1, 1968, с.160–161]. Далее М.В.Софронов утверждает, что в китайских текстах морфеме 𐰇𐰏 $ни^2$ соответствует морфема 等 *дэн*.

Отметим, во-первых, что морфема 𐰇𐰏 $ни^2$ определена М.В.Софроновым не совсем точно; строго говоря, это не показатель множественного числа, а показатель перечисления (подробнее о морфеме 𐰇𐰏 $ни^2$ см. в разделе "Служебные слова 𐰇𐰏 $нгэи^2$, 𐰇𐰏 $ни^2$, 𐰇𐰏 $ни^2$ "). Во-вторых, это отнюдь не единственный способ выражения значения множественности при именах: по произведениям неканонической литературы нам удалось выделить еще две служебные морфемы с этим грамматическим значением – 𐰇𐰏 $нгэи^2$ и 𐰇𐰏 $ни^2$; по произведениям канонической литературы эти служебные морфемы ранее не были обнаружены.

Кроме того, существует еще один способ выражения значения множественности имен. В неканонических текстах встречается особая синтаксическая конструкция, которая образуется редупликацией глагола, выступающего в функции определения к существительному. Такая конструкция указывает на значение эмфатической множественности этого существительного – "все-все, кто...", "абсолютно все, кто..." (подробнее см. в разделе "Служебные слова 𐰇𐰏 $нгэи^2$, 𐰇𐰏 $ни^2$, 𐰇𐰏 $ни^2$ ").

Следует подчеркнуть, что ни служебные морфемы 𐰇𐰏 $нгэи^2$ и 𐰇𐰏 $ни^2$, ни синтаксическая конструкция с редулицированным глаголом не имеют грамматических аналогов в китайском языке.

По произведениям светской литературы удалось установить значения служебных слов (показателей согласования)

𐰇𐰏 $нга^2$, 𐰇𐰏 $на^2$ и 𐰇𐰏 $ни^2$, в одних случаях согласующих глагол с субъектом, в других – с объектом действия, значения показателей совершенного вида и желательного наклонения, по своему происхождению связанных с указанием на направленность действия, показатель продолженного вида 𐰇𐰏 $'ини^1$ и т.д. Все эти показатели не имеют аналогов в китайском языке и, возможно, поэтому не были определены по произведениям канонической литературы.

Таким образом, среди переводов с китайского, вероятно, переводы неканонической литературы представляют собой более надежный источник, позволяющий восстановить грамматические нормы собственно тангутского языка.

В своей работе мы стремились по возможности учесть все имеющиеся в ленинградской коллекции переводы на тангутский язык китайских светских сочинений; кроме того, нами использован также текст тангутских пословиц. Общий объем исследованных текстов составляет более ста тысяч иероглифов. Это следующие тексты: 1) "Лес категорий", 2) "Двенадцать царств", 3) "Записки о родственной любви", 4) трактат Сунь цзы о военном искусстве с комментариями трех авторов, 5) "Шесть секретов", 6) "Три тактики", 7) "Важнейшие материалы годов Чжэньгуань", 8) "Запись о сутре "Золотого блеска", о раскаянии и искуплении греха" (предисловие к сутре "Золотого блеска"), 9) тангутские пословицы.

Кроме того, отдельные примеры взяты из энциклопедии "Море значений, установленных святыми" (инв. № 143, 144, 145, 684, 2614), из работы Н.А.Невского "Тангутская филология", из грамматики М.В.Софронова, из тангутского свода законов, подготовленного Е.И.Кычановым к изданию, из текста Нирвана сутры (инв. № 396), из произведений китайской классики в тангутском переводе, изданных Е.И.Кычановым и В.С.Колоколовым, из опубликованного Ван Цзинжу текста сутры "Золотого блеска", а также грамматики Т.Нисиды.

Дадим характеристику перечисленным выше текстам.

1. "Лес категорий" 𐰇𐰏 𐰇𐰏 $ндие^1$ мбо¹ (類林 Лэй

линь) [Лес категорий] (инв. № 125, 126, 127, 128, 130, 131, 2625, 6686). Ксилограф, сброшюрованный "бабочкой". Размер текста 26,2 (до 27) × 18,2 (до 18,9) см. На каждой странице 7 строк по 15–16 иероглифов. Всего десять цзюаней, но сохранились только цзюани с 3-й по 10-ю включительно. В конце некоторых цзюаней указано, что ксилограф отпечатан в 1181 г. в Ведомстве печати тангутского государства. Указания на автора не сохранилось.

"Лес категорий" – это перевод китайского сочинения жанра лэйшу, вероятно, очень рано утраченного в китайском оригинале, так как в списках произведений-источников, прилагаемых к лэйшу "Тай-пин гуан цзи" и "Тай-пин юй лань", нет произведения под названием "Лэй линь". "Лес категорий" представляет собой сборник коротких рассказов периода Лю-чао (III–VI вв.), распределенных по темам, например, "Мудрые и хитроумные", "Справедливые чиновники", "Жестокие чиновники", "Верные своему слову", "Искренние советы", "Отважные поступки", "Отшельники", "Волшебники", "Лекари", "Принципиальные женщины", "Литературные произведения", "Воздаяние за милости", "Пьяницы", "Красавицы и красавцы" и т.п. Всего таких разделов должно было быть 50, но дошли до нас 41 (нет первых девяти разделов, составлявших цзюани первую и вторую). В составе "Леса категорий" сохранилось 413 рассказов. Хронологически истории, входящие в состав "Леса категорий", охватывают период с эпохи Чунь-цю (722–481 гг. до н.э.) до династии Сун включительно (420–479 гг.).

Общий объем текста 41540 иероглифов.

2. "Двенадцать царств" 十二國 'a¹ ni² læi²?
(十二國 Шиэр го), подробнее о "Двенадцати царствах" см. [Кепинг, 1974] (инв. № 132, 133, 4173). Ксилограф, сброшюрованный "бабочкой". Размер текста 18,5 × 12,5 см. На каждой странице 7 строк по 15 иероглифов. Автор не указан, ксилограф не датирован. На основании косвенных данных может быть датирован серединой XII в. Сохранился не полностью.

Сохранившиеся части сочинения состоят из нескольких

разделов, посвященных различным царствам. Дошедшие до нас разделы описывают: царство Ци (齊), позднее царство Ци (後齊), царство Лу (魯), царство Чжао (趙), царство Вэй (魏), царство Цзинь (晉), царство Вэй (衛). Все эти царства существовали в эпоху Чунь-цю (722–481 гг. до н.э.) и Чжань-го (481–221 гг. до н.э.), т.е. в период Восточного Чжоу.

Каждый раздел представляет собой собрание рассказов, различных по объему (от пяти до сорока строк), повествующих о каких-то исторических событиях, происходивших в данном царстве. Обычно раздел открывается сообщением о ване – основателе царства, иногда приводится краткая характеристика царства. В разделе о царстве Вэй (魏), например, излагается история о вэйском Вэнь-хоу, не нарушившем своего слова и в дождь отправившемся на охоту. Или рассказ о циском Шуньюй Куне, который смог заставить чжоуского вана оказать царству Ци помощь в таком размере, что напавшее на Ци царство Чу не решилось вступить в сражение (позднее царство Ци).

Китайский оригинал сочинения утрачен. Общий объем текста 11066 иероглифов.

3. "Вновь собранные записки о родственной любви" 懺記 孝記 義類 sien¹ шон¹ мин² вэ¹ ла¹ (新集懺 孝記 Синь цзи цы сяо цзи) (инв. № 616). Рукопись, уставной почерк. Брошюровка "бабочкой". Размер текста 16 × 11,4 см. На странице 8 строк по 22–25 иероглифов. Указан составитель 報 嚴 蕭 цзеи¹ чиа¹ рай². Следует отметить, что в составе этого имени только иероглиф 報 цзеи¹ является транскрипционным (может передавать китайскую фамилию 曹 Цао). Два других иероглифа значимые: 嚴 чиа¹ 'путь', 'дорога' и 蕭 рай² 'радость' 'покой'.

Сохранилась только последняя (кит. 下) цзюань этого сочинения, состоящая из рассказов, объединенных в восемь разделов: 1) свекровь и невестка, 2) двоюродные братья, 3) двоюродные сестры, 4) братья, 5) сестры, 6) супруги, 7) невестки (?), 8) дяди со стороны матери.

Общий объем текста 5961 иероглиф.

4. Трактат Сунь цзы о военном [искусстве] с комментариями трех авторов 孫 臆 孫 臆 孫 臆 свен¹ цэ¹ нга¹ 'юэ² со¹ мбие¹ (孫子軍文三注 Сунь цзы цзюнь вэнь сань чжу), текст опубликован нами в книге "Сунь цзы в тангутском переводе" [Сунь цзы] (инв. № 943, 579, 771, 772, 773). Ксилограф сброшюрован "бабочкой". На странице 7 строк по 13 иероглифов, комментариев – в две колонки по 20–22 иероглифа в строке. Ксилограф не датирован, но, по косвенным данным, его можно датировать XII веком. Текст Сунь цзы сохранился частично: сохранились пяни (篇) с 7 по 13 и начало биографии Сунь цзы.

Здесь мы не будем останавливаться на характеристике трактата Сунь цзы, так как этот текст хорошо изучен. Отметим, что в языковом плане особый интерес представляет комментарий (комментаторами являются Цао Цао – 曹操, 155–220 гг., Ли Цюань – 李筌, VIII в. и Ду Му – 杜牧, 803–852 гг.), в котором излагаются различные исторические эпизоды, иллюстрирующие положения Сунь цзы.

Общий объем текста 18942 иероглифа.

4а. Фрагмент трактата Сунь цзы – "Комментарии трех [авторов] на трактат Сунь цзы о войне" 孫 臆 孫 臆 孫 臆 свен¹ цэ¹ нга¹ 'юэ² 'ини¹ со¹ мбие¹ (孫子軍文之三注 Сунь цзы цзюнь вэнь чжи сань чжу), текст опубликован нами в "Рукописном фрагменте..." [Ке-пинг, 1977] (инв. № 775). Свиток. Рукопись, скоропись. Размер текста 19,2 × 155,7 см. Всего 90 строк по 17–20 иероглифов. Косвенные данные позволяют датировать XII веком.

Во фрагменте сохранились завершающие строки последнего раздела трактата и вся биография Сунь цзы.

Общий объем текста 1542 иероглифа.

5. "Шесть секретов" 六 韜 чхиен¹ ндву² (六韜 Лю тао) (инв. № 139, 140, 141, 142, 768, 769, 770). Ксилограф, сброшюрованный "бабочкой". Размер текста 18,5 × 13,2 см. На странице 7 строк по 13–14 иероглифов. На основе косвенных данных датируется XII веком.

Трактат по военному искусству Люй-шана (呂尚). Комментария нет.

Следует отметить, что в оглавлении к четвертой цзюани мы находим два раздела, отсутствующих в современном китайском тексте, это 攻 城 戰 ве² ние² "Нападение на город" и 列 戰 lei¹ 'вей¹ "Одно сражение", что, возможно, служит указанием на существование других, не дошедших до нас редакций китайского текста.

Общий объем текста 47 л. (количество иероглифов нами не подсчитывалось).

6. "Три тактики" 散 箭 со¹ нон² (三略 Сань лüe) (инв. № 578, 715, 716). Ксилограф, сброшюрованный "бабочкой". Размер текста 15,5 × 10,5 см. На странице 6 строк по 13 иероглифов, комментариев в две колонки по 21–25 иероглифов.

Трактат по военному искусству Хуан Ши-гуна (黃石公). Есть комментарий, однако описания исторических эпизодов, иллюстрирующих положения трактата, редки.

Общий объем текста 168 л. (количество иероглифов нами не подсчитывалось).

7. "Важнейшие материалы годов Чжэньгуань" 紀 元 要 文 чжиа² мбиот¹ чжи¹ 'юэ² (貞觀要文 Чжэньгуань яо вэнь) (инв. № 122, 123, 2556, 2557). Ксилограф, сброшюрованный "бабочкой". Размер текста 17,5 × 14 см. На странице 8 строк по 15 иероглифов.

Текст представляет собой перевод сочинения У Цзина (династия Тан). Общий объем текста 3435 иероглифов.

8. Тангутские пословицы – "Вновь собранные драгоценные парные изречения" 懷 訓 俞 賢 好 語 сиеи¹ шим¹ ко¹ тхион² ндем² лие² (新集錦合辭 Синь цзи цзинь хэ цы), текст пословиц издан Е.И.Кычановым [Пословицы] (инв. № 765). Ксилограф, сброшюрованный "бабочкой". Размер текста 17,5 × 12 см. На странице 7 строк, в каждой строке от 10 до 18 иероглифов в зависимости от количества иероглифов в пословице. Составитель лион¹ чхиа² 'иу¹ (項 紀 凌). В составе имени 項 紀 凌 лион¹ чхиа² 'иу¹ только первый иероглиф является транскрипционным

В примере 6 употреблены разные слова со значением "один":

(6) 敵 愴 婦 殺 敵 箭 斃 及 飛 龍 頭 未
收 斃 婦 愴 龍 (Лк, III) мэ²ла² цаиен¹ нга¹ тха²мбей¹ ко¹
ндзиын¹ риѳ¹ тие¹нгиы² цим¹ лхио¹ лдеи² ми¹ндиу¹ 'Цинское
войско действительно потерпело поражение, и ни одна ко-
лесница, ни единая лошадь не вернулись обратно'.

При необходимости в одном и том же предложении выра-
зить значение единичности для двух существительных чаще
всего при одном из них ставилось числительное 一 lei¹
'один', а при другом – неопределенный член 一 нгиы², на-
пример:

(7) 女 敵 敵 愴 婦 斃 敵 箭 斃 及 飛 龍 頭 未
收 斃 (Лк, VI) на¹ра² кий¹ндие² виэ²риѳ² теу¹ лем¹ на² ндзюо²
ва¹ нгиы² лда¹ 'Завтра с востока непременно придет старик
(букв. один старик) и приведет свинью (букв. некую
свинью)'.

Что же касается синтаксиса, то мы уже отмечали, что
в тексте трактата Сунь цзы в тангутском переводе очень
часто нарушается синтаксический параллелизм китайских
фраз типа "враг приходит, я ухожу; я прихожу, враг ухо-
дит" [Сунь цзы, с.23–24].

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
История изучения тангутского языка	5
Тексты	15
Классы слов и части речи	27
Словообразование	30
Имя	32
1. Существительное	33
2. Слова с пространственным значением	34
3. Местоимения	41
Личные местоимения	42
Субституты личных местоимений	53
Анафорические местоимения	55
Указательные местоимения	61
Неопределенные местоимения	65
Возвратное местоимение	70
Взаимное местоимение	74
Определительные местоимения	75
Наречия с местоименным значением	76
Вопросительные местоимения	80
Вопросительные слова к имени	80
Вопросительные слова к глаголу	84
4. Числительное	89
Количественные числительные	90
Порядковые числительные	107
Функции числительных в предложении	107
5. Счетные слова	109
Классификаторы	114
Названия десятичных разрядов	118
Названия мер	119
6. Служебные слова и морфемы, оформляющие имя	123
Неопределенный член 𑖑𑖓 <i>ngim²</i>	124
Служебные слова 𑖑𑖓 <i>ngem²</i> , 𑖑𑖓 <i>nim²</i> , 𑖑𑖓 <i>ni²</i> (значение множественности)	126
Морфема 𑖑𑖓 <i>jie¹</i>	138
Послелого	143
Предикативы	165
Грамматические категории предикативов	166
1. Категория времени	166
2. Категория вида	176
3. Категория наклонения	187
4. Классы предикативов, выделяемые по сочетаемости с различными префиксами совершенного вида и желательного наклонения	208
5. Префиксы направленности действия в некоторых современных тибето-бирманских языках	212

6. Категория лица	217
Служебные слова – показатели согласования	217
Правила согласования глагола	229
Характеристика строя тангутского языка	242
Эргативность в тибето-бирманских языках	256
Глагол	261
Переходные и непереходные глаголы	261
Глаголы направленного движения и вспомогательные глаголы	268
Глаголы обладания и наличия	275
Глагол 𑖑𑖓 <i>vie¹</i> 'делать'	281
Выражение модальности	283
1. Модальные глаголы	283
2. Глагол 𑖑𑖓 <i>ngie²</i> 'хотеть'	288
3. Служебное слово 𑖑𑖓 <i>lde²</i>	290
4. Сочетание 𑖑𑖓 <i>mi¹</i> <i>chi¹</i>	292
Выражение повеления	294
Счетные слова к глаголу	296
Прилагательное	299
Прилагательное в функции определения к существительному	300
Прилагательное в функции сказуемого	302
Другие функции прилагательного	304
Двусложные прилагательные	305
Редупликация прилагательных	305
Конструкции сравнения	308
Наречие	311
Обстоятельственные наречия	311
Качественные наречия	313
Частицы	315
Вопросительные частицы	315
Невопросительные частицы	318
Заключение	321
Приложение. Описание некоторых лексических групп тангутских прилагательных	330
Условные обозначения	361
Сокращения названий источников	361
Литература	363

Ксения Борисовна Кепинг

ТАНГУТСКИЙ ЯЗЫК
Морфология

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редакторы *В.Д.Мазо, И.А.Шуткина*
Младшие редакторы *Л.Б.Годунова, Д.Ш.Хесина*
Технические редакторы *Л.Е.Синенко, Л.Н.Кузьмина*

ИБ № 15253

Сдано в набор 24.07.84.

Подписано к печати 11.04.85.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Усл. п.л. 23,0.

Усл. кр.-отт. 23,38. Уч.-изд. л. 20,28. Тираж 700 экз.

Изд. № 5255. Зак. № 116. Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1.

Офсетное производство типографии № 3
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1.